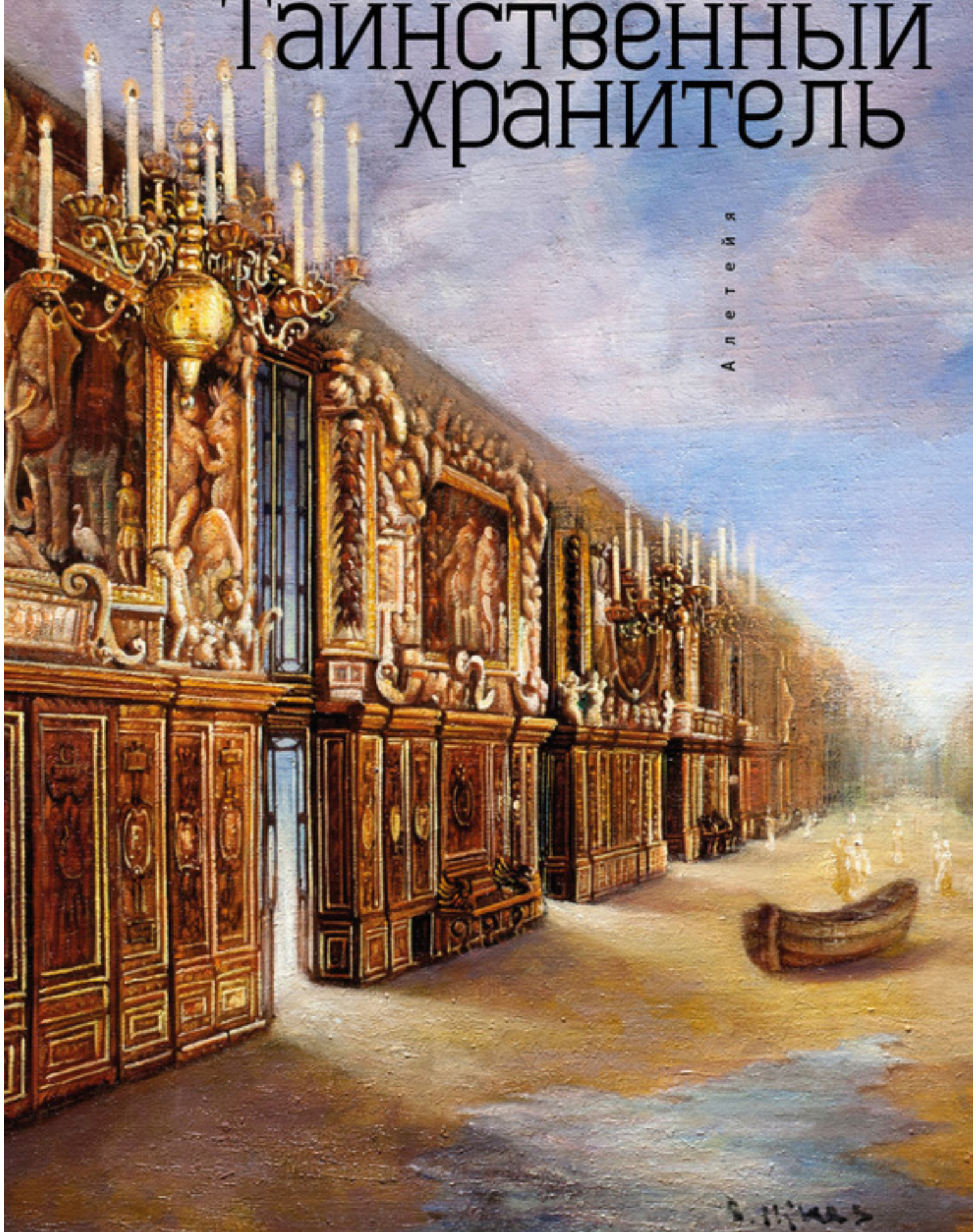

Аглаида Лой
Иван Рассадников

Таинственный хранитель

А л е т е й я

Аглаида Лой

Таинственный Хранитель

«Алетейя»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лой А. В.

Таинственный Хранитель / А. В. Лой — «Алетейя», 2015

Роман «Таинственный Хранитель» будет интересен всем, кому нравятся загадки и тайны и кто интересуется историей России. Лихо закрученный сюжет предоставляет читателю возможность самому попытаться разгадать секреты прошлого, почувствовать неповторимый аромат ушедших веков, посмотреть с высоты наших дней на прошедшее, в анналах которого кроется много таинственного и необычного.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лой А. В., 2015
© Алетейя, 2015

Содержание

В ночь лунную в старинном интерьере...	5
Опять луна. И снова чертовщина	9
Мальтийский рыцарь	16
Явление Агриппины	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Аглаида Лой, Иван Рассадников

Таинственный хранитель

В ночь лунную в старинном интерьере...

Лунный свет, проникая в здание сквозь высокие окна, наполнял галерею млечно-голубым мерцанием. Там, куда он падал, темнота отступала, открывая глазу детали старинного интерьера, картины, развешанные по периметру залов. Изображения на холстах при лунном освещении принимали странный, какой-то инопланетный вид, наполнялись вдруг новым, неведомым прежде смыслом. Андрей шёл по картинной галерее, направляясь к парадной лестнице.

Наборный паркет сонно поскрипывал, привычно отзываясь на его шаги. Андрей ещё не вышел из состояния рабочей сосредоточенности – даже закрыв кабинет, он мысленно продолжал пребывать где-то посередине между русским классицизмом, барокко и псевдоготикой. Он ухватился за Ринальди ещё на пятом курсе, главным образом, потому, что это имя неразрывно связано с Гатчинским дворцом. В аспирантуру, однако, его тогда не приняли, и диссертацией он занялся лишь в этом году, то есть на семь лет позже, чем это случилось бы при более удачном раскладе.

Время было упущено, упущенное приходилось навёрстывать. И Андрей навёрстывал, трудился в поте лица. Сегодня он просто заработался, забыл о времени, погружённый в изучение особенностей стиля Бренна и Воронихина, оставивших свой след на гатчинской земле. Масть, как говорится, пошла. Андрей работал бы и дольше, хоть до утренних петухов, но тут на пороге комнаты нарисовался Николай (было его дежурство), поинтересовался, «долго ли ещё?», «скоро ли уже?» – а вслед за ним сразу позвонила бабушка: у неё к вечеру подскочило давление; ещё сказала, что заходил Виктор, которому срочно понадобился номер мобильного Андрея; вообще-то, он сообразил, что она звонила напомнить – домой пора. Оба раза Андрей отвечал невпопад, думая о своём, однако творческий настрой сбился, и он засобирился домой.

Он вышел из кабинета и запер дверь. Его мысли по-прежнему были заняты диссертацией – но стали рассеянными, двигались как бы по инерции. Время снова тикало, тик-так – десять тридцать р.ш., снова существовал мир вне работы: август на исходе, а вместе с ним завершатся каникулы – начнутся лекции, семинары, беспокойные студенты потянутся в аудитории, и преподаватели тоже будут вставать ни свет ни заря, ехать в институт, и всё меньше времени будет оставаться на «чистую» науку.

Андрей поднял голову и невольно залюбовался игрой лунной светотени на лепных орнаментах. Улыбнулся её внезапной ирреальности и двинулся дальше – как вдруг в поле его зрения оказался странный силуэт, напоминающий фигуру мужчины.

– Николай? – негромко произнёс он, но сам уже понял: нет, это не Николай.

Андрею стало немного не по себе. В первый момент он ощутил, как реальность становится зыбкой, на мгновение показалось, что всё вокруг соткано из лунного света, из лунной светотени. Но силуэт, похожий на фигуру мужчины, не был их причудливым порождением – смутный и отчётливый одновременно, он был чем-то иным.

Это иное двигалось по галерее в том же направлении, что и Андрей, опережая его шагов на десять. Озадаченный не на шутку, он ускорил шаг, намереваясь приблизиться и рассмотреть призрачную фигуру – но её движение тоже ускорилось, и расстояние между ними осталось прежним. Андрей остановился – и призрак остановился. Андрей рванулся вперёд – но странный силуэт опять был начеку, и дистанция не уменьшилась.

Поняв, что приблизиться не удастся, Андрей изменил тактику. Он двинулся вперёд медленно, шёл, напрягая зрение, пытаясь получше рассмотреть призрак, а тот плавно плыл впе-

реди. Не касался пола, плыл, колыхался в лунном свете, казался сотканным из дыма, казался сгустком дыма, принявшим форму человеческой фигуры по мановению хитрой руки иллюзиониста. Лунные лучи омывали его, не высветляя подробностей. Так они двигались некоторое время, разглядеть призрак толком не удавалось и Андрей начал терять терпение.

«Привидение? Ерунда какая...» – в сердцах пробормотал он и зажмурился, а когда открыл глаза – через мгновение, меньше секунды – перед ним никого не было. Силуэт исчез, растворился, сгинул. Дым развеялся.

Да, заработался... Так и возникают байки о привидениях старых замков – услужливое воображение всегда готово сотворить из мухи слона, динозавром представить лягушку. Длинные пустые коридоры этому очень способствуют. Равно как и избыток лунного света. Он вздохнул, на всякий случай внимательно огляделся и, наконец, вышел на парадную лестницу.

Николая он нашёл на обычном месте, в закутке возле выхода.

– Всего хорошего, Андрей Иванович, – произнёс тот, открывая дверь.

– Счастливо отдежурить, – сказал Андрей, – До свидания.

Он вышел на плац – широкий и безлюдный. Памятник Павлу I по другую сторону плаца, у самой дороги казался чёрной бесформенной глыбой. Ещё дальше, за спиной императора, шелестела шинами, урчала моторами автострада. Впрочем, судя по интенсивности звука, машин было немного, в это время суток дорожное движение обыкновенно затихает. Фары приподнявшихся источали дальний свет, яркие полосы которого казались Андрею далёкими, как небесные зарницы или падшие звёздочки метеоритов.

Андрей пересёк плац по диагонали налево, спустился к Карпину пруду, где в царские времена разводили форель, прошёл по мостику над сонной недвижимой водой, мимо уток, дремлющих прямо на водной глади, и остановился, залюбовался рассекающей иссиня-чёрную поверхность Белого озера лунной дорожкой. Дорожка убежала в даль – неизвестную, заповедную.

Во всём этом – тишине, озёрной неподвижности, безлюдии, темноте и яркой светящейся тропинке, летящей к неведомому пределу (а может, за все пределы, неведомые и ведомые) было что-то до боли, до слёз трогательное, что-то загадочное и волнующее. Андрей поймал себя на мысли, что это, видимо, и есть настоящее волшебство, подлинная мистика – колебание душевной струны, а вовсе не привидения, которыми пугают детей и даже взрослых, о которых вещают с телеэкранов, как о достоверном научном факте сомнительного вида личности...

Из чувственного рождается сверхчувственное точно также, как в процессе эволюции из неживой субстанции образовалась живая.

Это – подлинно мистическое чувство сродни тому, что возникает в душе, когда слышишь красивую мелодию, пускай грустную, пусть простую, немудрёную.

По левую руку остался остров Любви с недавно отреставрированным павильоном Венеры. Андрей миновал кирпичные столбы верфи, и шёл под сенью деревьев – вечер плыл над ним, вокруг него, спокоен и кроток. Молодые парень и девушка стояли возле Адмиралтейских ворот, неистово целовались, закрыв глаза в сладком упоении.

Счастливые, подумал Андрей без капли зависти. «Счастливые?» – повторил он вопросительно и прислушался, словно ожидая услышать ответ.

Действительно, счастье – любовь, или просто чувственное влечение? И, если начистоту, есть ли разница между этими двумя видами счастья?

Всего полчаса назад он пребывал в похожем состоянии – упоённый работой, он словно как эти двое отдался своей страсти «закрыв глаза». Но стоило внешнему поколебать внутреннее упоение мысли, нарушить ритм работы, как равновесие рухнуло и мыслительный процесс пошёл вразнобой.

А может, следовало раньше нарушить этот ритм? Коль скоро на исходе рабочего дня встречаешь привидение, более того – гонишься за ним вприпрыжку, кто даст гарантию, что назавтра тебя не настигнет белая горячка.

«Близнецы-братья – алкоголик да трудоголик...» Но в глубине души Андрей не принимал такой аналогии. Да и трудоголиком себя не считал – просто в силу ряда причин работу над диссертацией следовало форсировать, по максимуму использовать эти последние несколько летних дней – не потому, что летних, а потому, что каникулярных.

Андрей вышел на проспект 25 Октября на углу Соборной, многолюдной, как и обычно летними вечерами, и пошёл вдоль проспекта в направлении улицы Гагарина, где он, собственно, и обитает. Не доходя до кирхи, свернул направо, прошёл дворами, срезая путь. Окна домов ярко горели, казалось, по тёмным стенам развешаны гроздья светящихся прямоугольничков. Из глубины двора, из-за сиреневых кустов, разросшихся невероятно, донёсся девичий смех, которому вторило мелодичное гитарное брэнчание.

Всё вокруг было знакомо, привычно, обыденно. И насколько нелепой на этом фоне кажется сама мысль о возможности встречи с привидением, призраком, тенью отца Гамлета, статуей Командора. Даже летающая тарелка выглядела бы наверно правдоподобнее. Он вошёл в подъезд, нащупал в кармане джинсов ключи. Призрак, хм... призрак...

Бабушка ещё не спала, просто лежала на диване в своей комнате, укутавшись шерстяным пледом.

– Тебе что, холодно? – спросил Андрей. И на улице, и в квартире было тепло.

– Андрюша, я старая уже...

– Да ну, брось, бабушка!

В детстве он удивлялся пенсионерам, в погожие летние дни сидевшим на лавочках около подъездов в пальто, шапках, тёплых шالях. Его бабушке, слава богу, до такого ещё далеко несмотря на её 74 года.

– Давай померим давление, – предложил он.

– Не надо, я уже лекарство приняла, всё нормально.

– Точно нормально? А то гляди у меня, бабуля! – Андрей шутливо погрозил бабушке пальцем.

– Вот-вот... В детстве я с тобой нянчилась, пальчиком тебе грозила, теперь всё наоборот. Отольются кошке мышкены слёзки. – Она села на кровати, собираясь поправить подушку. Внук опередил её.

– Ложись-ложись. Спать будешь? Хочешь? – спросил он заботливо.

– Да, буду, Андрюша. Ты не беспокойся. Знаешь ведь, я себя в обиду не дам. Никому спуску не будет, ни одному человеку! – решительно сказала она.

– Знаю, конечно, знаю.

– Что, позвонил тебе друг Виктор, – ударение бабушка поставила на последний слог.

– Нет, увы, – Андрей развёл руками, как бы в растерянности и недоумении, – а тебе мои драгоценные маман и папа давно ли звонили? Сиречь, твои дочь и зять...

– Нет, представь себе. Недавно. Тебе привет, кстати, из далёкого Наукограда.

– Я по электронке отпишусь им завтра с утра. Очень надеюсь приветствовать их лично.

– Как продвигается эпохальный труд? Я гляжу, ты, не покладая рук, работаешь...

– Сегодня в архиве, завтра обрабатываю и набело пишу параграф номер три.

– Ты насчёт гимназии не надумал?

– Нет, куда мне ещё. – Он развёл руками. – Студентов не знаю, куда спихнуть, а тут ещё школяров брать?

– Там же факультатив... Нагрузки большой и захочешь – не наберёшь.

– Вот-вот. Мороки больше. – Андрей махнул рукой.

– Не хочешь идти в дизайнеры – так и будешь за гроши работать.

– В какие дизайнеры? – переспросил он

– Дизайн интерьеров, или что там...

– Ну, ба-а-бабушка, – жалобно протянул он, – я искусствовед, а не дизайнер. А работу я свою люблю, и материальная сторона...

– ...Для тебя на так важна, знаю-знаю... Да не заводись ты, я шучу, ну Андрюша! – бабушка взъерошила ему волосы. – Лучше скажи, когда ты доцентом станешь – сразу после защиты, или чуть погодя?

– Не знаю! Конечно, не сразу. Думаю, перспективы есть, но сколько времени займёт их воплощение...

– Ну и славно! Перспективы – уже неплохо.

Этот полушутливый разговор был достаточно характерен для общения бабушки и внука. Андрей всегда отлично ладил с Елизаветой Петровной – и в детстве, когда его привозили в Гатчину на каникулы, и в студенчестве, когда жил на два дома – в общежитии в Питере и здесь, и теперь, когда они жили вдвоём, никаких серьёзных конфликтов между ними не происходило. Такое, согласитесь, нечасто встретишь.

Родители Андрея, коренные ленинградцы, в конце 60-х уехали в Сибирь – развивать там науку; раньше их городок назывался просто «научный центр», теперь он именуется Наукоградом. В чём разница и есть ли она вообще, Андрей не знает – он уехал поступать в Питерскую Академию художеств задолго до появления этого диковинного статуса.

Поступил сразу, на искусствоведческий, и отучился, как положено, однако в аспирантуру не попал – призвали в армию. Но в науку после службы всё-таки вернулся, а теперь к тому же преподавал – вёл семинары в университете, с недавних пор читал спецкурс; наконец, получил заветный карт-бланш – начал писать диссертацию на тему, максимально доступную к практическому изучению в гатчинском дворце-музее.

Он и сам не знал, почему Большой Гатчинский дворец с юности привлекал его, и работать в его стенах было если не заветной его мечтой, то горячим желанием. Раньше не получалось. Но вот теперь сложилось.

Андрей поужинал, и сразу почувствовал, что глаза его слипаются, закрываются сами по себе. Казалось, наружу вышла вся подспудная усталость и дня минувшего, и всех предыдущих дней. Две недели в Коктебеле выходили боком, разумнее всего было бы этим летом отказаться от разъездов и сосредоточиться на работе, коль скоро тема буксует, а время поджимает. Но как отказаться от Коктебеля? Скажите, как?

Однако, едва его голова коснулась подушки, как сон улетучился: зудящая, знобящая мысль пришла на смену ему: что это всё-таки было? Игра лунного света, или первый звоночек перед сеансом «белочки»? Просто галлюцинация? Но потом Андрей сказал себе, что сколь ни ломай он сейчас голову, всё равно не скажешь наверняка, и вообще – утро вечера мудренее.

Опять луна. И снова чертовщина

Мобильник завершал, завибрировал. «И кому это нейдет?» – чертыхнулся Андрей, отвлекаясь от бумаг. Комбинация цифр, высветившихся на экранчике, ничего ему не говорила.

– Алло... Слушаю! – раздражённо произнёс он.

– Привет, Андреас! – отозвались на том конце, этого короткого приветствия Андрею оказалось достаточно, чтобы узнать звонящего.

– Виктор! – сказал он в трубку. – Ну, привет-привет! А я смотрю, что это за номер такой высветился – мне незнаком, телефону моему тоже неведом.

– Мой это номер, мой. Чей ещё?

– У тебя другой номер! Был, по крайней мере. Думаешь, я тебя перепутаю с кем-нибудь?

– Был. Да телефон я потерял, и сим-карта, наверное, тоже потерялась.

– И как тебя угораздило? Ведь не в первый раз уже! Это входит в привычку? Становится традицией? Фирменный знак фон-барона Ниссена – разбрасывать телефонные трубки... сея-тель ты наш!

– Хорош глумиться. Думаешь, я от хорошей жизни пытал Елизавету Петровну насчёт твоего номера?

– Пытал? Ах ты...

– А она тебе не поведала? – ахнул Витя, – ну, что я забегал.

– Что забегал – передала, и что номер продиктовала, а ты его аккуратно записал. Вот о попытках умолчала, врать не буду.

– Да, старик, я твой номер знаю, и ты мой запиши. Ну, если высветился.

– Контора пишет. Что там у тебя?

– Ну, главную новость ты знаешь, а вторая новость – Ленка улетела-таки в Канаду, родных-близких навестить. Вернётся не раньше октября.

– А сегодня у нас... август.

– Пятница сегодня! И рабочая неделя, можно сказать...

– У кого как, приятель. Я вот аки пчела...

– Принялся, засучив рукава за диссер о Гатчинском дворце? Всерьёз взялся?

– О дворце? В нулевом приближении угадал... – поморщился Андрей

– Куда мне, старик! Я ж технарь, и в искусствознании ровно ничегошеньки не смыслю.

Зато в других вещах разбираюсь хорошо. Мы ж давненько не пересекались, а?

– Ясно. Ленка улетела, тебе скучно и ты ищешь компанию... – констатировал Андрей.

– Предлагаю устроить мальчишник!

– Где, у тебя?

– Ну. А где ещё? Если у тебя, то боюсь, мы потесним Елизавету Петровну.

– Потесним, оттесним и вытесним, – усмехнулся Андрей.

– Придёшь сегодня? Договорились? – голос Вити сделался почти умоляющим.

Возникла пауза. Андрей подумал, что они с Витей действительно давненько не виделись; он, имея полное право рассердиться на приятеля (позвонившего в самый неподходящий момент), вовсе не сердился. Он был рад приглашению Виктора, и поспешил принять его, хоть и с оговоркой.

– Договорились. Только боюсь, что сегодня я освобожусь поздно. Дел непочатый край, сроки горят, работа горит.

– Ерунда, Андреас! Как закончишь, сразу ко мне! Увидишь кое-что интересное. Завтра суббота, режим дня летит ко всем чертям.

– В таком разе, до вечера!

С утра небо над Гатчиной затянули тучи, к обеду пролился неслабый дождь, что называется, хляби небесные разверзлись, шлюзы горные распахнулись. Эта катавасия продолжалась с перерывами до шести, однако затем, паче чаяния, дождь прекратился совсем. Подул южный ветер, унося тучи дальше на север. Стрелка барометра сдвинулась на «ясно», а скоро небо и вправду стало проясняться.

Однако метеорологические флуктуации прошли мимо внимания Андрея – весь день он провёл в музее – работал с раннего утра, структурируя накопленный материал, выискивая интересные нюансы, проводя исторические параллели. Он варьировал историю архитектуры и так, и эдак, не чураясь сослагательных наклонений. Любопытство вызвали нереализованные планы перестройки дворца, не просто проекты – Большие Гатчинские дворцы, существовавшие в фантазиях зодчих и воплощённые на бумаге, в частности, тот, что стал прообразом Михайловского замка. По-настоящему же Андрея интересовало «родство», сходство дворцовых интерьеров Гатчины с интерьерами других замков и резиденций российских императоров, монарших особ Европы, а также стилистическое родословие в работах Бренны и Захарова. Как известно, Андреян Захаров сменил «на боевом посту» Винченцо Бренну, в силу занятости последнего другим проектом, и первая крупная перестройка была закончена под его руководством.

Андрей как специалист, конечно, давно знал, что сведений об интерьерах Большого Гатчинского дворца эпохи графа Орлова не сохранилось, но теперь ему пришлось горько сетовать на безалаберность архивариусов, утеревших описи графского имущества. Для полноты картины, наблюдаемой в динамике, чрезвычайно важно знать, с чего всё начиналось, что служило отправной точкой всей последующей эволюции, от какой печки плясали дизайнеры «галантного века». Между тем, принципы работы Бренны, умевшего изысканно соединить классицизм и барокко, оставались неизменными, в Павловске он «правил» Камерона, утяжеляя его утончённые интерьеры своими обильными орнаментами, в Михайловском замке каждому залу придавал индивидуальность, выстроив оформление в линейку – от античности до ренессанса; Андрей видел Бренну в роли «локомотива» эволюции в эстетике: от стилистических шор – к свободе романтического историзма, соединению, чуждому вульгарной эклектике.

Он чуть не крикнул «Эврика!» – наконец-то появился потенциал для обобщений, выходящих за рамки предметной области, не искусствоведение, но искусство в целом! Жизнь в целом. Бытие. Это – венец, без которого ценность диссертации равна либо ценности авторской оригинальной гипотезы, либо – ценности оригинальной компиляции фактов и гипотез, найденных другими...

Но, по закону подлости, стоит вам углубиться в умственную работу, отъединившись от внешнего мира – как что-нибудь (или кто-нибудь) непременно вторгнется и помешает, отвлечёт. Так и сейчас – дверь с грохотом распахнулась и на пороге возникла Ольга Олеговна, коллега Андрея, стол которой стоял в этом же помещении. Рабочее место её с утра пустовало, но теперь она буквально ввалилась в комнату, тяжело и прерывисто дыша.

– Андрей... Иванович... – её голос выдавал крайнюю степень волнения, – мне сказала Наташа... Ну, смотрительница... моложавая такая... Наверняка вы её знаете, хотя бы в лицо... ужас!

– Ольга Олеговна, говорите толком, не томите. Что стряслось?

– В малиновой гостиной бегала крыса! Снизу откуда-то прибежала. Здоровенная! Представляете?

– Крысу представляю, и что?

Бесстрастный тон Андрея несколько охладил волнение Ольги Олеговны. Она даже чуточку смутилась. На щеках её выступили пунцовые пятна.

– Андрей Иванович... Вы извините, конечно, это глупо, – произнесла она уже другим тоном, – но отнеситесь со снисхождением к моей женской слабости; дело в том, что я ужасно боюсь мышей. Стоит мне лишь представить, что мышь...

– Понимаю, – кивнул Андрей. – Знал я такую девушку... Но ничего, успокойтесь. Возможно, Наташа, будучи в курсе вашей маленькой слабости, зачем-то решила воспользоваться ею в целях... говоря по-простому напугать.

Ольга Олеговна задумалась.

– А ведь, скорее всего, так и есть... Ничего, я уже в порядке. Надо же, хотела Борису Львовичу на поклон идти...

– Зачем? – не понял Андрей.

– Насчёт кошки. А лучше нескольких. Как в Эрмитаже.

Теперь, когда инцидент был исчерпан, Андрей снова мог вернуться к своим размышлениям. Ольга Олеговна сразу растворилась в непроницаемом пространстве комнаты.

Он продолжил работу, поминутно делая пространственные пометки то в черновом тексте диссертации, то в блокнотике. Кажется, Карамзин писал: «История движется, развивается, и последующее развитие есть результат предыдущего, но век нынешний отличается от века минувшего, и никогда век минувший в точности не повторится в дальнейшем». Вот квинтэссенция. Остов. Остаётся нарастить мясо.

Гатчинский дворец – двуликий Янус – два в одном – европейский средневековый замок и русская усадьба. Двуглавый орёл, одна голова на запад, другая на восток. Дуализм русского поля экспериментов. И здесь же – Бренна соединяет стили, сплавляет родственные субстанции, а по другую сторону современной автострады, надвое рассекающей дворцово-парковый ансамбль, прячется Приоратский дворец – почти игрушечный на фоне Большого, миниатюра с башенками. Готика. Пускай даже псевдо-...

Быть первопроходцем – это дорогого стоит. Может, оценят. Но своевременно оценят – едва ли.

Андрей не на шутку увлёкся, стремясь раскрутить себя, как мыслящее веретено, вытянуть нить до упора, до конца и оплести ею своё исследование. Он чувствовал прилив сил, по его венам и артериям, казалось, не кровь струится, а чистая энергия. Он словно бы глотнул эликсира творчества, и, разогнавшись, опять забыл обо всём на свете. За окном темнело, а он всё писал тезисы, не умея оторваться даже для того, чтобы включить свет в кабинете. Только когда смерклось настолько, что писать стало невозможно, он встал из-за стола и щёлкнул, наконец, выключателем. Прошёлся, разминая затёкшие члены, сделал несколько приседаний и вернулся к работе. Но то ли необходимость прерваться сбивала ритм, то ли дело было в искусственном освещении, только теперь Андрей не мог поймать прежний кураж. Работа пошла чуть медленнее, но тем не менее, он шёл дальше – романтический историзм это не только интерьеры Бренны, это ещё и пушкинские «Маленькие трагедии». Хотя «Маленькие трагедии» – лишь этап большого пути, вектор, стрела, летящая в горизонт – к историзму реалистическому, к «Борису Годунову». Так же и сплетение/комбинирование стилей в российской архитектуре стало предтечей Большого стиля XX века, заложило фундамент для проекта советского модерна. В этом месте Андрей сказал себе «стоп», почувствовав себя командиром, идущим в атаку впереди батальона и в боевом угаре чересчур оторвавшимся от основной цепи, и не понятно уже – то ли он впереди, то ли солдаты залегли, а он идёт в атаку один.

Ольга Олеговна, разумеется, давно ушла. Он попрощался с ней словно на автомате, а может, и не попрощался даже. Нет, вроде бы сказал «До свидания».

Андрей посмотрел на часы и хмыкнул. Десять минут одиннадцатого. Надо же, – подумал, – увлекшись работой, напрочь теряешь чувство времени, и это не случайность, а закономерность. Одновременно вспомнил о Викторе и об их уговоре. А ведь он сидит там, ждёт

меня! Успокаивало, что вариант позднего визита они обговорили заранее. А вот бабушке стоит позвонить, – решил он.

На сей раз бабушкин голос в трубке звучал беспечно, даже легкомысленно. Казалось, она удивилась его звонку:

– Андрюша, у меня всё нормально, не волнуйся...

– У меня тоже, в общем.

– И ты звонишь мне это сообщить. Замечательно. Молодец.

– Я во дворце, собираюсь к Виктору, сейчас выхожу.

– Позвонил тебе Витя?

– Да, трое суток дозванивался, наконец, удача ему улыбнулась

– Рада за него. И за тебя.

– Ты скрыла от меня факт применения пыток!

– Что-о-о-о? Похоже ты там маркиза де Сада читаешь вместо разбора авгиевых интерьеров...

– Причём тут я? Это Витя пытками вырвал у тебя мой номер, ты не выдержала мучений и раскололась. Сдала меня с потрохами.

– Признался, значит, подлец!

– Признался, – хмыкнул Андрей.

– Повинился хоть?

– Как бы не так! Наоборот, его переполняет гордость за содеянное.

– Вдвойне подлец. Ладно, внучек. Ты парнишка взрослый, сам разберёшься, когда и что тебе делать. Я иду спать, не вздумай звонить. Ключи у тебя есть.

– Есть, – покорно согласился внучек.

– Ну, пока. Привет маркизу.

– Угу.

Андрей покачал головой. Бабушке, несмотря на её почтенные годы, склероз явно не грозит. Она ещё и злопамятна – не упустила случая припомнить ему давнишнюю историю, когда, приехав из Питера на последней электричке после весёлой богемной вечеринки (он и сам подзабыл, в честь чего и кем устроенной), он не смог отыскать ключ, принялся звонить в дверь и разбудил её, а сам клялся-божился, дескать, жди меня завтра. Шанс осуществить обещанное «завтра», сиречь провести ночь в компании Люды, архитектора из дирекции заказчика – девушки симпатичной и на его тогдашний вкус гиперсексуальной, имелся (по крайней мере, Андрей так думал), но Люда, прежде строившая ему глазки и расточавшая авансы, в этот раз жестоко надсмеялась над Андреем, демонстративно удалившись на «Ауди» Кирилла Кроткова, коротко стриженного мудака с тюремным юмором, золотыми зубами во рту, и строительно-ремонтной фирмёшкой в собственности.

В самом этом факте ничего страшного не было, обломы у всех случаются, да и о высоких чувствах в той истории речь не шла, но история вышла некрасивая. Вдоволь наобжимавшись с этим отморозком во время «медляка», прежде, чем пересесть за его столик, уже изрядно подвыпившая Люда с предельной откровенностью дала Андрею понять, что он всего лишь «ассистентинтишка с занюханной кафедры», а потому для неё – тьфу, пустое место! – и что его социальный статус не даёт ему права даже смотреть в её сторону, не то там...

Андрей в ту пору был молод, горяч и донельзя самолюбив. Ему пришлось задействовать всю свою силу воли, чтобы не устроить этой Люде блондинский холокост, а её золотозубому спутнику – пару-тройку открытых и/или закрытых переломов. Он ничего не ответил, промолчал; сидел, стиснув зубы, бледный, прямой. Молча смотрел на них – танцующих, выпивающих, опять танцующих, взглядом проводил, когда выходили в обнимку. В окно увидел, как они лезут на заднее сидение. «Ауди» оказалась с водителем, опытным и трезвым.

Нервы были на пределе, вот и не смог найти ключ ни в одном из четырёх карманов. А, может, просто забыл, что такое ключ – умственное затмение, случается с каждым.

Сколько лет прошло! А бабуля не забывает и при случае не преминет подколоть.

Андрей забрал свои записи, запер кабинет, вышел в галерею. Облака давно рассеялись, освободив небесное поле. Луна сияла, и Андрея настигло смутное ощущение дежавю. Да-да, это уже было – третьего дня всё происходило точно так же, он шёл по этому же коридору, сквозь эту же анфиладу комнат, и в каждом окне властвовала она – Селена, владычица приливов и отливов. Андрей приблизился к окну и мысленно принял в себя это свечение, млечный поток, сожалея, что не может так же полнокровно любоваться сиянием луны, как любят японцы. Три дня назад её диск походил на румяный блин с откусанным краешком, теперь же румяная, радостная, луна сияла, улыбаясь от гордости: сегодня она обрела правильную форму – форму круга.

Он почувствовал, как луна завораживает его, тянет вверх, к себе, – нет, сама опускается ближе. Сердцебиение ускорилось, рот заполнился слюной, и он судорожно сглотнул, отошёл от окна и двинулся дальше по галерее, повторяя собственный путь трёхдневной давности, и только лунный свет падал наискосок, манил мерцанием, иссиня-млечной тайной своей, выхватывая из темноты детали, мелочи, нюансы.

Так и я, неожиданно подумалось Андрею, тыкаю лучом своего фонарика туда-сюда-туда, судорожно конспектирую, что удаётся подглядеть, а потом сведу все ошмётки воедино и пойду сдаваться учёному совету.

Внезапно сердце его ёкнуло – болезненно и тревожно, на полсекунды опередив рассудок, мозгу с его нейронной электрикой всегда требуется отсрочка. Андрей споткнулся на ровном месте (Боже мой! Обо что я споткнулся? Может, поскользнулся?) и чуть было не растянулся на скрипучем паркете. С трудом удержав равновесие, он пару секунд ошалело смотрел прямо перед собой, где, не касаясь пола, парил человек, его фигура колыхалась в сплетении светотени, точно изукрашенный воздушный шар. Человек казался невесомым, по крайней мере – легче воздуха. Андрей осторожно, как на ходулях, шагнул к нему раз-другой-третий, но «человек-воздушный шар» неторопливо, плавно отодвинулся на те же три шага. Воспоминание о тёмном, безликом, расплывчатом силуэте, привидевшемся ему три дня назад в этой самой галерее, всплыло в мозгу Андрея, и дежавю стало полным. Но как луна за эти дни достигла идеала формы, так и Нечто, плывущее по галерее, претерпело с прошлого раза явные изменения. Теперь перед Андреем, несомненно, стоял (висел!) мужчина, одетый в странный костюм, напоминающий старинный камзол. Камзол был красного цвета, через плечо призрака была переброшена широкая голубая лента. На голове – старинный гладкий парик с косицей на затылке. «Человек-воздушный шар» был повернут к Андрею спиной. Убедившись ранее в невозможности приблизиться к нему, Андрей теперь попытался заговорить:

– Слушайте... Пойдите... Кто вы и чего хотите?

Призрак не реагировал. Тогда Андрей медленно зашагал в его сторону, призрак тут же плавно тронулся с места и пошёл-поплыл ровно с тою же скоростью, что и его преследователь. Андрей не сводил с него напряженного взгляда, твёрдо решив проследить, куда двинется привидение, когда они оба достигнут парадной лестницы – либо оно попытается избежать этого момента. Он ещё раз окликнул его:

– Пойдите! Кто или что вы такое? Отзовитесь... Не хотите? Что вам от меня нужно?

Молчание. И Андрей решил пойти ва-банк.

– Послушайте, дайте мне какой-нибудь знак! Я не понимаю, чего вы хотите. Вам требуется помощь? Но – какая?.. – Призрак не отвечал и не оборачивался. – Если вы плод моего воображения... – продолжал Андрей, – значит, я капитально схожу с ума. Вернее, уже сошёл...

Тут он вдруг осёкся, упершись взглядом в пустоту. В галерее кроме него никого не было. Призрак, будь то человек или демон, просто растаял в воздухе, стоило Андрею на секунду ослабить внимание; растаял вместе со своим красным камзолом, гладким напудренным париком и голубой лентой через плечо.

Андрей огляделся. Вокруг было пусто. Он подошёл к тому месту, где за миг до исчезновения находилось нечто. И – странное дело – в тот же самый миг вдруг понял: третьего дня оно исчезло, как сквозь землю провалившись, ровно в этой же точке пространства! Ошибки быть не могло. Всё произошло по той же схеме, что и в первый раз.

Оставаться в галерее было бессмысленно: глупо ждать у моря погоды. Андрей ещё раз окинул взглядом импровизированную сцену, на которой только что перед его глазами разыгрывалась очередная фантазмагория, – уж теперь-то он накрепко запомнил место исчезновения привидения, – затем вышел на лестницу и спустился к выходу. Николай был на месте.

– И сегодня вы на посту... Место встречи изменить нельзя... – попытался пошутить Андрей. Он чувствовал себя не в своей тарелке, не сказать ошарашенным, – и что-то в его лице насторожило Николая, который, вместо ответной необязательной шутки, спросил:

– С вами всё в порядке?

– Да... вполне, – ответил Андрей, стараясь ничем не выдать своего волнения. – А здесь во дворце ночами всё спокойно?

Охранник хитро прищурился:

– Ну... как вам сказать...

– Говорите уж как есть.

– Только между нами. Случается, во дворце происходит нечто... необъяснимое.

Андрей насторожился:

– Необъяснимое? В каком смысле?

– Например, звуки.

– Звуки? Какие звуки?

– Вроде шаги. Похоже, будто кто-то ходит по этажам. Гулкий стук, точно сапоги с набойками. Поднимешься посмотреть – звуки стихают, вернёшься в холл – опять двадцать пять.

– И как долго это продолжается?

– Бывает и до утра.

Николай искоса смотрел на Андрея, как бы проверяя его реакцию. Тот особого любопытства не выказал, и охранник решил усилить впечатление, форсировать эффект... Глядишь, искусствовед залётный и оставит вредную привычку до ночи сидеть у себя наверху.

– А было дело, привидение являлось, – стараясь придать голосу максимальную убедительность, начал он.

Андрей так и замер, но и на этот раз виду не подал, насколько заинтересован.

– Какое ещё привидение?

– Бог ведает... Димка видел, Павлюков. Вы его точно не знаете. Давно это было, зимой ещё. Повалился кто-то стены царапать в как раз его дежурство. Причём начиналось вся катавасия ровно в пять минут первого, едва, значит, полночь пробыёт. И скрежет такой противный, точно железом по стеклу скребут. Дима, ясно дело, туда, наверх – никого. Один раз никого, другой раз никого, а на третий раз ему лень было без толку идти в каре, вот он и плюнул, не пошёл. Так на утро все стены точно гвоздём были исцарапаны. Димке, разумеется, нагоняй, а он только руками разводит, мол, ваша сила, да не ваша правда... – Николай выдержал многозначительную паузу.

– А он не пробовал объяснить... ну, там, рассказать...

– Пробовал. Никто-то ему и не поверил. Хуже того, на смех подняли и посоветовали головку проверить на предмет соответствия тэ-тэ-ха. Ну, он и сник. Два дежурства пропустил – один раз со мной договорился на подмену, другой раз ещё с кем-то договорился. В те ночи

всё тихо было. Так вот. На третье дежурство сам вышел; утром сменщик приходит – лица на Димке нет, натурально. Заявление на стол – и расчёт сразу получил. А оказалось... – Снова театральная пауза, но Андрей молчал, и он продолжил. – Оказалось, в половине второго ночи Са-а-а-ам пожаловал, прямо в холл спустился по лестнице.

– Са-а-ам, это кто?

– Сам – это Павел Первый, убиенный государь император, душа которого вот уж двести лет с гаком никак не обретёт покоя, а может и обретает, но только днём... Ну, в светлое время суток... Так вот, Сам Павел Первый говорит ему, Димке то бишь: «Ты, волчара позорный, на кого жаловаться вздумал? Доносчику первый кнут, слышал?» – и с этими словами вытаскивает из-за пояса кнут да ка-а-а-к огреет Павлука, Димку, значит, по спине, а тот и без этого ни жив, ни мёртв стоит, чуть не богу душу отдаёт. Огрел его Павел кнутом ушёл обратно по лестнице куда-то на крышу, а там бог весть... может и на небеса напрямиком, да спать, отдыхать от ночной жизни...

– Кнут? У Павла? За поясом? – не выдержал Андрей. – А вышел государь, видимо, в косоворотке, шароварах, а на ногах лапти лыковые... Он, как известно, только так и расхаживал по дворцу.

– Ха! – довольно отозвался Николай. – Ладно. Согласен. Один ноль в твою пользу. Но ежели хочешь знать – люди всякое балакают. И даже в телевизоре показывают разные разности. В том числе и про Павла показывают. Про Михайловский замок видел? Сорок четыре дня прожил в нём император, а было ему сорок четыре года от роду, и на троне он провёл четыре года, четыре месяца и четыре дня. Вся соль в цифре четыре! Мистика судьбы!

И добавил, отпирая Андрею наружную дверь:

– Простой человек, я или Димка тот же – соврёт, недорого возьмёт. А телевизор? Телевизор врать не будет!

– Почему это? – усмехнулся Андрей.

– Ну, как... – ответил Николай, – всё-таки учёные люди руководят. Прежде чем давать что ни попадя в эфир и на всю страну через спутник транслировать, проверяют информацию на предмет вранья.

– Спасибо, Николай, вы мне подняли настроение, – сказал Андрей совершенно искренне. Он вышел из замка, и лунная ночь обняла его, как родной обнимает родного после долгой разлуки.

Шагая по усыпанной гравием дорожке вдоль Белого озера, Андрей старался не думать о происшедшем. После разговора с Николаем, который, насколько он мог судить, элементарно над ним поиздевался, Андрей и сам видел всё в юмористическом свете. Ну да, старинный замок, призраки, сокровища, скелеты в подземельях... Великолепное начало для какого-нибудь авантюрного романа, сдобренного мистикой; не имеющего отношения к реальности. К реальности, где он живёт и трудится, собирает и обрабатывает материал, думает, пишет серьёзную монографию. Надо выбросить из головы эту чертовщину, которая объясняется очень просто: он слишком углубился в изучение материала, устал, вернее, доработался до чертиков. В этом состоянии, как во время белой горячки, начинают являться белые женщины, монстры, призраки и прочая ерунда. Надо сказать нечисти «Стоп!» А потому— вперёд, к Виктору, который уже заждался. С ним можно расслабиться, поговорить за жисть, выпить пару бутылочек пива, чьи запотевшие в холодильнике изящные силуэты так и просятся, чтобы их наконец оприходовали два добра молодца.

Улыбаясь своим мыслям, Андрей пересёк проспект 25-го Октября (куда от него денешься в Гатчине?), повернул на улицу Чкалова, потом на Маркса и вот, наконец, знакомый двор, где, как и у него под окнами, в начале лета буйно расцветают кусты разноцветной сирени, поднялся на пятый этаж знакомой хрущёвки и позвонил в дверь.

Мальтийский рыцарь

Дверь распахнулась, и в неярком свете прихожей взору Андрея представилась необычная картина. Нет, это, конечно, был Виктор – да не совсем! Перед ним стоял типичный рыцарь мальтийского ордена в полном облачении.

– Пива хочешь? – поинтересовался рыцарь голосом Виктора и протопал в комнату.

– Очень! – отозвался Андрей. – Ты чего... ну, вырядился-то? Это и есть твоё «интересное»?

– Оно самое, – подтвердил рыцарь, ухмыляясь. Потом пояснил: – Сборы у нас скоро, костюмчик починяю. Что, впечатляет? – он покрутился перед зеркалом. По-моему, клёво... Пиво в холодильнике.

Андрей достал бутылку, щёлкнул открывашкой и налил в стакан пенного напитка, отчего у него даже слюнки потекли.

– Эгоист чёртов, – заявил Виктор, – шлёпаясь на продавленный диван. – Нет чтобы и о друге позаботиться!

Андрей наполнил второй стакан и отпил из своего со вздохом наслаждения, не без иронии поглядывая на приятеля. И как только взрослые люди могут увлекаться такой ерундой?

Виктор, казалось, прочёл эту мысль на его лице.

– Ладно, ладно, – произнёс он, – обойдемся без комментариев. Мы тут скоро собираемся организовать встречу с настоящими мальтийскими рыцарями. Да, представь себе, приедут с самой Мальты! В этом году, между прочим, мы отмечаем день Иоанна Крестителя, покровителя госпитальеров, то бишь мальтийских рыцарей, иоаннитов, – как тебе больше нравится, – у Приората. Ночью. Было просто замечательно. Ну а ты как – весь в своей диссертации?

– Точно. Только подустал малость.

– Ну, уж и подустал! Здоровый мужик, на тебе пахать можно и нужно. Тоже мне... Вот я, например, целый день на работе пашу, а вечером ещё и вторая смена, – он кивнул на разбросанные на столе и стульях детали рыцарской одежды. – Это, между прочим, требует не меньших усилий...

– Положим, общеизвестно, что зачастую хобби отнимает у людей больше времени, чем работа.

– Оно конечно – инженерю я для заработка, а настоящая моя жизнь – здесь, – согласился Виктор. – Ну что поделаешь, если меня действительно интересует история мальтийского ордена? Я даже ощущаю себя мальтийским рыцарем. У них ведь были такие благородные идеалы!

Андрей усмехнулся.

– Ну да, отбить Гроб Господень у сарацинов и устроить бучу по всей Европе на несколько веков!.. Воистину великий идеал!

– Не самый худший. И потом, должен тебе заметить, что ты всего лишь искусствовед и потому мелко плаваешь. Да-да! И не надо иронии! Мальтийские рыцари – это вовсе не сборище недоумков, которые однажды собрались вместе и отправились в Палестину воевать христианские реликвии. Копай глубже! Тут и политика, и религия, и магия, и древние мистические ритуалы. История – очень странная и капризная дама; иногда она может приоткрыть из-под вуали своё лицо, и тогда ты натолкнёшься на такие загадки и тайны, которые тебе и не снились! Думаешь, зря я изучаю историю мальтийского ордена? По-твоему, Павел Первый ни с того ни с сего, по глупости, принял титул гроссмейстера?.. Всё отнюдь не просто, дорогой мой искусствовед, ой как не просто...

– Пожалуй, в этом я с тобой соглашусь, – задумчиво произнёс Андрей, – всё очень и очень не просто.

А Виктор уже оседлал любимого конька и горячо продолжал, словно не слыша его комментариев.

– Мальтийский орден – это орден духовно-рыцарский. Духовно, понимаешь? Восьмиконечный белый крест несёт свою глубокую символику: четыре конца креста обозначают христианские добродетели, а восемь углов – это добрые качества христианина. Ну а белый цвет, разумеется, символизирует безупречность рыцарской чести. – Он сделал пару глотков пива, облизнул налипшую на губах пену и продолжал. – Знаешь ли ты, что орден Святого Иоанна возник на основе монашеского братства госпитальеров еще в IV веке?.. Около двухсот лет его история была неразрывно связана с Палестиной, но затем под давлением турок они вынуждены были перебазироваться сначала на Кипр, затем на Родос и наконец обосновались на Мальте. Не стану пересказывать тебе военную историю ордена – она действительно славная, увенчанная замечательными победами и, увы, поражениями, однако лично меня особенно занимает период времени, когда начались контакты между русским царями и мальтийцами. Конечно, здесь тесно переплелись геополитика и христианские устремления, хотя политика, пожалуй, всегда превалировала.

– Честно говоря, меня никогда не занимала история мальтийского ордена. Ну, разве что постольку, поскольку в Гатчине есть уникальное сооружение – Приорат...

– Вот именно, Приорат! – со значением поднял вверх указательный палец Виктор. – Мы к нему еще обязательно вернемся. Полное название ордена – Иерусалимский, Родосский, Мальтийский державный военный орден госпитальеров Святого Иоанна. Разумеется, у них были свои христианские реликвии, которые они берегли, как зеницу ока. И одна из них – длань Иоанна Крестителя, которую, кстати, в позапрошлом году привозили со Святого Афона в наш Павловский собор, для поклонения. Как реликвия попала на Афон, совсем другая, впрочем, тоже весьма таинственная история, связанная с революционными событиями в России начала прошлого века. Об этом расскажу как-нибудь в другой раз!

Виктор не выдержал переполнявших его эмоций и вскочил на ноги. Вот что значит «увлеченный человек», подумал Андрей. А его друг прошелся по комнате, лавируя между мебелью, и продолжал разглагольствовать, помогая себе руками.

– Так вот, контакты между российскими царями и рыцарями-мальтийцами начались, собственно, с Петра, с его Великого посольства. Мало кто знает, что одновременно с этим пышным и широко известным посольством в Европу было отправлено и другое, гораздо менее заметное, но в чём-то гораздо более интересное. И отправилось оно через земли Священной Римской империи в Италию. Спрашивается, зачем?.. В июле 1697 года стольник Толстой посещает остров Мальту, о чём впоследствии пишет свои записки. Не будем наивными, в записках отражена лишь наименее важная часть его миссии. Что-то связанное с Мальтой весьма интересуется Россию, потому что вскоре туда прибывает боярин Шереметев, для которого это была самая южная точка его поездки через Италию. Конечно, боярин имел официальные бумаги, царскую грамоту о том, что и в Италию, и на Мальту он едет «по охоте его», то есть по собственной инициативе. Да и сам Шереметев говорил о том, что отправляется на остров исключительно из любопытства и имеет «большую себе к воинской способности воспринять охоту». Однако он выполнял и другую, тайную дипломатическую миссию, связанную, видимо, с вхождением России в союз против Турции. Позднее его сын публикует в Москве «Записки путешествия генерал-фельдмаршала российских войск тайного советника и кавалера мальтийского, Святого Апостола Андрея, Белого Орла и прусского ордена графа Б. П. Шереметева». Среди гравюр в этом издании имелись и изображения знаков Святого Иоанна Иерусалимского, а также «Как провожали по наложению на него креста из дома гранд Магистра 1698 Майя 9 дня».

– Нормальная геополитика, – пожал плечами Андрей. – Глава государства смотрит в будущее, по крайней мере, лет на сто, а то и больше! Вот если бы и наши современные «государы» мыслили подобным образом... – с долей зависти прибавил он.

– Вот именно! Если бы да кабы... А тогда – смотрели вперед, ещё как смотрели!.. Известно ли тебе, например, что при Екатерине Второй контакты с Мальтой продолжались? Не сказать, чтобы сильно укреплялись, но происходили в практической плоскости. Екатерина была прагматичным политиком. Для того, чтобы русский флот в ходе русско-турецкой войны активно действовал в Средиземном море, нужны были базы, однако мальтийцы помочь отказались. Несмотря на это, контакты не прекратились. Когда Коллегия иностранных дел выпустила документ, перечислявший страны, где следует учредить российские консульства, Мальта числилась в нём на двадцать шестом месте. Комментарий гласил: «Положение сего острова требует не столько по коммерческим, сколько по политическим резонам содержать в нём всегда поверенного человека, как то опытом последней с турками войны доказано».

Андрей откинулся на спинку дивана, попивал себе пиво и с интересом слушал Виктора. Он не кривил душой, говоря, что история мальтийского ордена и его отношения с Россией не слишком его занимали, но сегодня, возможно, в связи со странным происшествием во дворце, уже вторым, он испытывал нечто вроде болезненного любопытства. Словно события, отдаленные от него несколькими веками, вдруг таинственным образом приблизились вплотную, и он, сам того не сознавая, ощущал на себе дыхание прошлого, интуитивно чувствуя необычную связь дня сегодняшнего и своей теперешней жизни с тем, о чём с жаром рассказывал ему приятель. Объяснить это было невозможно.

– Когда Великого магистра Пинто, с которым у России были настолько тёплые отношения, что он передел свою гвардию «на русский манер» и даже обучил барабанщиков барабанной дробы «по-московски», сменил бальи Эммануил де Роган, отношения Мальты с Россией резко ухудшились. Русский поверенный на Мальте был арестован, а вскоре вынужден уехать с острова. Великий магистр противился назначению нового посланника, и тогда Екатерина отправила на Мальту Антонио Псаро – капитана второго ранга, специалиста по торговому судоходству.

Существует исторический анекдот, характеризующий ум и дальновидность этого человека. Вице-канцлер Альмейда не советовал Псаро требовать формального признания, ибо он не был кавалером ордена Святого Иоанна, однако находчивый посол указал на крест ордена Святого Георгия, полученный на войне с турками – мол, этот орден не менее, а то и более славен в сражениях за веру Христову. И, представь себе, уже через день его принял сам де Роган. Вообще-то, капитан Псаро преуспел в различных дипломатических интригах и проявил себя хорошим политиком. Когда он отправился в Россию, де Роган послал с ним в подарок Екатерине II пальмовую ветвь, украшенную искусственными цветами, – как «символ бессмертной славы и побед». Императрица же отдала дар мальтийцев Потёмкину, в ответном письме магистру объяснив это так: «Я не могла лучше сделать, как вручить её князю Потёмкину-Таврическому, фельдмаршалу моих армий и предводителю моих морских сил на Чёрном море, оказавшему важные услуги не только моему отечеству, но и всему Христианству». В качестве ответного подарка она отправила на Мальту свой парадный портрет во весь рост, который повесили в Посольском зале дворца Великого магистра. Кстати, там он и находится до сих пор.

– Кто ж спорит, дорогой рыцарь, политика дело тонкое, – заметил Андрей с лёгкой иронией, которая относилась не столько к историческим сведениям, которыми с удивительной лёгкостью оперировал Виктор, сколько к той увлечённости, с которой он проповедовал. – Нисколько не сомневаюсь, что отношения между Россией и мальтийскими рыцарями весьма увлекательная в историческом плане тема. – И он отправился к холодильнику за очередной бутылкой пива.

– Увлекательная?! Не то слово! – слегка обидевшись, заявил Виктор и тоже открыл новую бутылку. – Вот ты теперь надо мной посмеиваешься – и зря, потому что по верхам скачешь.

– Ну конечно, куда нам со свиным рылом да в калашный ряд... Прав, прав был Козьма Прутков: «Зри в корень...» – Андрей опять удобно устроился на диване, насмешливо поблёскивая глазами.

– Умник выискался! А того не понимаешь, что я тебя к определенной эпохе подвожу, к замечательной для Гатчины эпохе Павла Первого.

– Вот теперь осознал, – и Андрей, который с удовольствием наблюдал за другом и с неменьшим удовольствием слушал его, поднял руки вверх, словно сдаваясь.

– То-то же! – с удовлетворением произнёс Виктор. Налил себе пива, с явным удовольствием выпил, потом закурил и наконец опять уселся на диван.

Глядя на него, Андрею тоже захотелось закурить, что и было сделано незамедлительно. Они молча дымили, поглядывая друг на друга. Затянувшееся молчание несколько их не беспокоило, – как людей, которым не только есть о чём поговорить друг с другом, но есть и о чём помолчать. Может быть, эта способность прервать разговор и помолчать, не испытывая неловкости и неудобств, и является одним из самых сокровенных и точных признаков истинной мужской дружбы.

– Какой-то ты сегодня не такой, – вдруг сказал Виктор, глядя на Андрея.

– В смысле? – настороженно спросил тот.

– Где-то витаешь, что ли?.. Ну да ладно! Всё, что я тебе рассказывал – это так, предыстория, а сама история – впереди. И связана она, как ты догадываешься...

– С Павлом Петровичем! – подхватил Андрей.

– Безусловно!

– Так вот... С исторической точки зрения Павел совершил весьма странный и, пожалуй, даже парадоксальный поступок: попытался сделать из православной России своего рода метрополию католического ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Чем-то наш император Павел мне напоминает Нерона, возможно, своей артистичностью и склонностью к экстравагантным жестам. А ведь он был широко образованным человеком для своего времени, знал семь языков, много читал и все такое прочее. И вот тут возникает сакраментальный вопрос – зачем?! Зачем русский царь сделался гроссмейстером Мальтийского ордена? Ведь тотчас возникает весьма щекотливая коллизия: с одной стороны Павел глава русской православной церкви, с другой – в качестве главы католического ордена вроде бы должен подчиняться папе римскому... Это же настоящий бред! Однако нашего царя это почему-то несколько не смущает, более того, у него складываются вполне сносные отношения с папой Пием VI.

– Хотелось бы знать, за ради чего Павел Первый затеял весь этот сыр-бор? – произнес Андрей задумчиво. – Были же у него, наверное, какие-то свои резоны!..

– Не сомневаюсь, что были! – уверенно сказал Виктор. – Только здесь, пожалуй, стоит обратиться к детским годам русского императора. Мало того, что его царственная мамаша грохнула его батюшку, так ведь еще и к власти не подпускала, держала постоянно в Гатчине, подальше от Петербурга. Ясное дело, нормальным его душевное состояние не назовешь. Не только потому, что мать его не любила, опасалась, и он это чувствовал – но и потому, что однажды его пытались отравить. Каким мог вырасти мальчик, пылкий, импульсивный, обладающий живым воображением?.. Его воспитатель Порошин пишет в своем дневнике о том, что наследник уже в десятилетнем возрасте увлекался рыцарскими романами, и огромное впечатление произвели на него деяния средневековых рыцарей ордена Святого Иоанна. Благородство, чувство чести и долга – вот что привлекало мальчика в этих повествованиях. Он играл в кавалера или посла Мальтийского ордена. Позднее интересовался мистикой и свойственными любому ордену тайнами. При этом в его характере сочетались крайняя мнительность (что не удивительно!), нетерпеливость, вспыльчивость – всё-таки он был наследник российской короны, царь, самодержец. Вероятно, не столько политические резоны, сколько вообра-

жение и оставшаяся в нем детскость, привели к тому, что он стал защитником Мальтийского ордена, приютил изгнанных рыцарей в России.

И опять же, это как бы поверхностный слой исторических событий, приведших к организации в православной России католического приорства. Мне кажется, Павел хотел объединить Западную и Восточную церкви, положить конец их многовековому разделению. Это была великая идея, на уровне средневековых рыцарских подвигов. И она вполне могла бы воплотиться в жизнь, не помешай Павлу могущественные и разнородные силы, не желавшие этого. Эти силы – скрытые, подспудные, не заявляющие о себе прямо, сделали всё возможное, чтобы идеалистические во многом идеи императора не осуществились.

– Кого ты имеешь в виду? Англичан? – заинтересовался Андрей. – Или, может, масонов?

– И масонов, и англичан, и... розенкрейцеров.

– Да эти-то тут причем? – изумился Андрей. – В восемнадцатом веке о них уже практически не слышно.

– Верно. А почему не слышно? Думаешь, они исчезли бесследно? Как бы не так! Они просто на время ушли в тень, чтобы в нужное время снова возникнуть на политической арене. Все эти ордена, которые основаны отчасти на религии, отчасти на каких-то своих таинствах, вплоть до магии и много еще чего, всегда имеют некую сверхзадачу, которую никогда не декларируют открыто – в нее посвящена лишь самая верхушка организации. Я не могу, разумеется, проникнуть в тайные намерения, к примеру, ордена розенкрейцеров или Мальтийского, однако все они стремятся к власти: в отдельной стране, и шире – над миром.

– Здесь я, пожалуй, с тобой соглашусь, – задумчиво произнес Андрей. – Любая организация, будь то политическая, или духовно-политическая, стремится подчинить себе как можно больше людей, чтобы через них оказывать влияние на мировое развитие. Но – не кажется ли тебе, что времена такого рода объединений уже миновали? Все-таки двадцать первый век на дворе!..

– Быть может, и миновали, а быть может, и нет, – многозначительно отозвался Виктор. – Он пересел с дивана на стул, с которого любовно убрал еще не полностью готовый средневековый головной убор. – Говорят, что история развивается по спирали. Обрати внимание, насколько популярными в последние годы стали разные магии, колдовство, рыцарские турниры и ролевые игры. Подозреваю, это движение развивается не само по себе. Возможно, существуют некие центры, которые инспирируют и развивают такого рода направления. Все в этом мире не просто, очень даже не просто...

– Ой, хватит! – не выдержал Андрей. – С меня на сегодня довольно!

– Как знаешь, – развалившись на стуле, отозвался приятель. – Но, к примеру, что тебе известно о Приоратском дворце? Ты, как искусствовед, должен о нем знать много чего – но готов поспорить на что угодно – ни черта не знаешь!

– Ну, ты обнаглел, – возмутился Андрей. – Разумеется, знаю, и много чего знаю! Приоратский дворец был построен архитектором Львовым в одна тысяча семьсот не помню каком году как резиденция приора Мальтийского ордена. Строительным материалом являлась утрамбованная земля – чем он и уникален. По стилю его относят к псевдоготике, потому что в его облике есть элементы готики: башня с высоким шпилем, остроконечные кровли, стрельчатые окна в одноэтажной части здания, которая называется дворцовой Капеллой. В общем, сплошная романтика: белый дворец с красными кровлями на берегу тихого озера, в окружении парка. Если мне не изменяет память, Львов писал о своем детище примерно следующее: «Долина, на которой расположено строение земляного Игуменства лежит между двух гор в конце Черного озера в Гатчине, окружена с трех сторон лесом, с четвертой – водою. С полуденной стороны проезд к воротам по правому берегу сухим путем, а с северной стороны к пристани и водою...» Интересно колористическое решение всего дворцового комплекса: белые стены и яркая окраска кровель и черепицы, – что, вероятно, символизировало сочетание цветов на

плащах Мальтийских рыцарей. Да, еще позолоченные шары на концах коньков и флюгеры над печными трубами на крышах... Красиво, ничего не могу сказать. – Он пожал плечами. – Все, пожалуй... Могу, конечно, и подробнее, если необходимо.

– Вот-вот, – обрадовался Виктор, – именно: ничего не можешь сказать! Все, что ты сейчас выдал – общеизвестно. А ты знаешь, сколько сверкающих золотом шаров? А сколько флюгеров?

– Точно не помню, – Андрей снова пожал плечами. – По-моему это неважно.

– Важно. Еще как важно! – почти взъярился Виктор. – Потому что Львов – известный масон очень высокой степени посвящения, хранитель тайных знаний. И дворец этот особенный.

– Ты слишком увлекаешься средневековьем и тайными обществами, – с насмешкой произнес Андрей. – Может и есть какая-нибудь масонская символика, только в наше время никакого значения это уже не имеет.

– А вот и имеет! Еще как имеет! – с вызовом парировал Виктор. – И я тебе это сейчас докажу.

– Попробуй, – ухмыльнулся его приятель.

– И нечего тут ухмыляться!.. Дело в том, что Приорат был построен в совершенно особом месте. В месте, обладающем огромной энергетикой. Потому что в древности там было скандинавское капище.

– Ну вот, теперь еще и древнее капище...

– Андреас, не ехидничай! По легенде именно в этом самом капище хранилась уникальная реликвия – один из трех предметов, которые являлись сакральными атрибутами власти. Они обладали огромной магической силой, помимо власти над людьми и миром дававшей бессмертие и тайные знания. Так вот, по легенде, когда строили дворец, появились три колдуньи – типа жриц – которые передали Львову эту самую реликвию и еще какую-то книгу заклинаний или что-то подобное. Якобы потом предмет и книга оказались у Павла, и было предостережение, что царь погибнет, если утратит их. Так и вышло. Реликвию похитили, и скоро Павел был убит. Ходили слухи, что за ней охотились не только мальтийцы, но и масоны, и розенкрейцеры, в особенности, розенкрейцеры!

– Да ведь Львов сам был масоном! Зачем ему было за реликвией какой-то охотиться, если ее, как ты только что сказал, ему и передали?! – почти выкрикнул Андрей. – Ну всё, на сегодня с меня достаточно! Сакральные атрибуты, масоны, мальтийцы, жрицы... Хватит с меня! – он уже орал в полный голос.

– Да что с тобой такое? – искренне изумился Виктор. – Ты же всегда интересовался легендами и историей.

– Какая же это история?! Это, это... просто байки. Ты, Витя, извини меня... Я действительно не в себе. Знаешь, что со мной происходит? Я с ума схожу. Мне призраки мерещатся в старинных кафтанах и с мальтийской лентой через плечо.

Виктор замолчал и замер, как остановленный на всем скаку конь.

– Призраки? Ну, ты брат, даешь! И давно?

– Уже два раза видел, в картинной галерее во дворце. И что противно – оба раза лунной ночью, как в киношных триллерах. Последний раз – сегодня... – он бросил взгляд на часы, – точнее, уже вчера. Ладно, насчет того, что я схожу с ума, – это я просто переборщил. Заработался. Сижку почти ежедневно до ночи – вот и...

– Не переживай. Хочешь еще пива?

Виктор принес из холодильника еще пару бутылок, они молча откупорили их и молча разлили по стаканам.

– Насчет призраков я не специалист, – сказал Виктор. – Конечно, не исключаю их существования, много чего есть в этом и том мире, чего мы не знаем. Но – сам не встречал никогда.

– Я все-таки думаю, что это нервное. Хотелось побольше материала собрать, скоро занятия, времени будет мало...

– Возможно. А как он тебе являлся?

– Кто?

– Да призрак же твой! И кто – мужчина, женщина? Как выглядел? Что делал?

И тут Андрей неожиданно для самого себя во всех подробностях пересказал своему визави странное происшествие во дворце.

– И что самое интересное, – закончил он свой рассказ, – что призрак этот второй раз исчез на том же самом месте, что и в первый!

Смеяться будешь, я его даже спрашивал, кажется, чего ему от меня надо, – только он молчал.

Теперь они оба замолчали. И надолго. Наконец Виктор заговорил.

– То, что ему чего-то от тебя надо – это однозначно. Он тебе знак подает какой-то. А что в этом месте, где он исчез оба раза, находится?

– Да картины же, ничего больше!

– Очень интересно... Слушай, а ты попробуй его вызвать!

– Это как? Спиритический сеанс устроить в галерее?

– Зачем такие сложности. Останься специально подольше, а потом жди на том самом месте, когда появится.

– Да я сто раз оставался допоздна – никто же не являлся.

– И то верно. Да ладно, черт с ним, с этим призраком! Может, он и в самом деле тебе припритчился от усталости и нервного напряжения.

– Ты настоящий друг! – рассмеялся Андрей. – Однако, мне пора!

– Может, тебя проводить? – ненавязчиво спросил Виктор.

– Витька, отстань, – рассердился Андрей. – Только не хватало, чтобы ты меня от призраков охранял и провожал до дома, да еще и в одеянии мальтийского рыцаря!

Они посмотрели друг на друга и расхохотались во весь голос.

Явление Агриппины

В это утро, равно как и в предыдущее, Андрей вспоминал произошедшее с ним в галерее дворца, точно кошмарный сон, к тому же глупый, дурной, сон-без-башни. А как еще должен воспринимать повторную встречу с привидением сравнительно здоровый на голову мужчина, который считает себя серьезным исследователем в области интерьеров восемнадцатого века, пишет кандидатскую диссертацию и которому до сей поры не то что призраки, но даже домовые и летающие тарелки никогда не являлись?

В остальном – обычное утро обычного дня. Судя по прелюдии, по зачину, по первым штрихам – день сулил неплохие перспективы. В квартире висела ненавязчиво-воздушная тишина, нарушаемая лишь звуками улицы. На дереве под окном не по сезону лихо выводила рулады невидимая птичка, и от её аномального пения на душе у Андрея сделалось светло и радостно, как в детстве, когда, проснувшись, он открывал глаза, и его охватывала беспричинная радость просто от факта собственного существования в этом огромном и прекрасном мире, который обещал ему все новые открытия и, конечно же, приключения, какие происходили с героями его любимых книг. Босиком прошлепав на кухню с твёрдым намерением сварить кофе, он обнаружил на столе записку бабушки: «Уехала к подруге, буду поздно. Твоя неугомонная Ба». Вот уж, действительно, «неугомонная», подумал он, насыпая кофе в кофемолку. Восьмой десяток – а легка на подъем, как в юности! И что удивительно, голова в полном порядке и одевается со вкусом – истинная дама, никогда не напялит на себя бесформенное, молю битое шмотьё, как многие её ровесницы – куда там! – обязательно туфли на каблучках, перчатки, шляпку и обязательно, чтобы сумочка в тон... Он невольно усмехнулся и поставил джезvu на огонь. Замечательная у меня Ба, ей богу!..

И в самом деле, Елизавета Петровна Иванова (ударение на второй слог не обязательно) отличалась завидной энергией и, несмотря на возраст, еще подрабатывала репетитором, натаскивая современных балбесов и балбесок, собиравшихся поступать в какой-нибудь престижный ВУЗ. Её специальность – иностранные языки. Немецкий и французский она знала в совершенстве, всю жизнь преподавала – в школах, в пединституте, брала учеников для дрессировки (так она отзывалась о своих левых заработках) и действительно дрессировала их по полной программе, так что потом благодарные родители благодарили её, дарили подарки, в конвертиках заносили премиальные (Андрей называл их чаевыми) и рекомендовали родителям очередных балбесов. Естественно, Елизавета Петровна будучи женщиной волевой и педагогом милостью божьей не могла пройти мимо собственного внука; благодаря ей Андрей почти в совершенстве владел немецким и весьма недурно французским. Посетив Германию в порядке студенческого обмена, он щеголял своими знаниями языка, выполняя обязанности переводчика, и служил посредником в ситуациях различной степени сложности, нет-нет, да и возникавших в чужой стране.

На работе в привычном уже Большом дворце он появился в половине одиннадцатого, поднялся на второй этаж и прошел в свой кабинет, где ждал заваленный бумагами стол, а коллеги, словно все вымерли. Дверь была заперта, он повернул ключ в замочной скважине, прошел к столу и включил компьютер. Ольга Олеговна и Марина Семеновна, третья соседка по комнате, отсутствовали неизвестно где. Ольга Олеговна, видимо, отправилась по музейным делам в Питер, заодно мечтая прихватить в Эрмитаже двух-трёх котят, чтобы с течением времени они выросли в истинных охотников – мастеров спорта по крысиной ловле. А Марина Семеновна, та вообще редко сюда забегала, разве что обедать приходила.

Нежданное одиночество сразу подняло настроение Андрея, – женщины слишком любили общение, тем более, с молодым симпатичным искусствоведом; в этом не было ничего удивительного, постоянно вариться в собственном соку, пробавляясь прошлогодними сплетнями о

коллегах, про которых все известно до четвертого колена, уже давно им наскучило, а говорить о своей работе было как-то не интересно: работа она и есть работа.

Делая выписки из трудов усердных искусствоведов, не один десяток лет посвятивших изучению Гатчины архитектурной, восстановлению после войны Большого Гатчинского Дворца, в том числе – воссозданию в первоизданном виде подлинных интерьеров Ринальди и Бренна – он вновь не замечал времени. Некоторые данные были просто поразительны. Поразительным было и то, сколько энергии и труда вложили в возрождение практически полностью разрушенного фашистами дворца эти замечательные люди. Ведь при отступлении немцы сожгли и заминировали здание, уничтожили часть оставшихся в подвалах ценностей, а часть увезли в Германию. На одной из стен дворца красовалась глумливая надпись, оставленная оккупантами: «Здесь были мы. Сюда мы больше не вернемся. Если придет Иван, всё будет пусто». Надпись эту, сделанную на штукатурке, сохранили для истории, сделав частью экспозиции. И как только могли немцы, народ европейской культуры, допустить такое варварство?! Размышлял Андрей. Тогда как Красная армия, напротив, пыталась по возможности сохранить музеи и картинные галереи на занятых территориях. И после этого европейцы, по сути, отказываются признавать нас равными себе в культурном отношении!.. Абсурд. Или политика?.. Впрочем, поведение фашистов как раз понятно: уничтожая культурное достояние другого народа, разрушаешь и уничтожаешь его душу. Именно этого и добивались фашисты – они хотели уничтожить, растоптать душу России. Какое счастье, что в российском народе есть глубинные ценности, которые неподвластны самому хитрому и изворотливому врагу, есть люди, готовые положить свою жизнь на алтарь восстановления духовной памяти народа...

Углубившись в свои мысли, Андрей параллельно стучал по клавиатуре компьютера, приводя свои «выписки на полях» в божеский вид электронного документа. Он и не заметил, как дверь бесшумно отворилась, и в комнату вошел Борис Львович, главный хранитель музейной коллекции. Некоторое время Борис Львович наблюдал за увлеченно работавшим Андреем, потом негромко кашлянул, объявляя о своем присутствии.

– Борис Львович! – Андрей слегка привстал, приветствуя коллегу. – А я вас даже не заметил.

– Вы с таким энтузиазмом трудитесь, что мне неловко вас отвлекать, – сказал тот. – Извините меня, грешного, Андрей Иванович, но я пришел по вашу душу...

Борис Львович печально смотрел сверху вниз на Андрея. Интересно, почему он всегда выглядит таким грустным? Подумал тот. Пожалуй, я не могу припомнить случая, чтобы он улыбался. Этакий гатчинский рыцарь печального образа.

– Пришли по мою душу? – переспросил он. – Это в каком же смысле?

– К сожалению, в самом прямом. Видите ли, Андрей Иванович, мне тут позвонили из одной влиятельной петербургской газеты и попросили принять их журналиста. Они собираются написать о нашем музее, о том, что уже сделано, о перспективах развития. Для нас это очень важно, как вы понимаете, но возникла проблема – с журналистом некому пообщаться. Хотелось бы встретить его, рассказать о дворце поподробнее, о наших замечательных хранителях, провести по парку – в общем, не пожалеть ради этого времени. А сегодня, как назло, все куда-то по делам разбежались. Поэтому, Андрей Иванович, у меня к вам превеликая просьба: встретьте вы этого питерского журналиста и расскажите ему все, что его интересует. Очень вас об этом прошу. – И он замолчал, глядя на Андрея большими, печальными, темными глазами.

Настроение Андрея тотчас упало: так хорошо начинался день, так легко и даже весело шла работа – и вот нате вам! Но куда денешься? Собственно, пока он здесь, в музее, трудится, Борис Львович как бы является его непосредственным шефом. Стоит его хорошему отношению измениться – и у Андрея сразу возникнет множество больших и малых проблем и со сбором материалов, и с изучением архивов. Поэтому он постарался скрыть свое недовольство и даже улыбнулся, глядя на Бориса Львовича.

– Ну, что ж, надо так надо! – энергично произнес он. – Тем более, я уже немного устал. И где же ваш журналист?

– Едет в восемнадцатом автобусе, будет минут через пятнадцать.

– Прекрасно! Тогда иду встречать. Он знает, что есть остановка у дворца?

– Да, я все объяснил, – кивнул Борис Львович.

– Уже бегу, – сообщил Андрей, выключая компьютер.

– Весьма вам признателен, Андрей Иванович, – сказал Борис Львович и покинул кабинет.

Выйдя из дворца, Андрей пересек посыпанный гравием плац, прошел по мостику и сразу оказался на остановке автобуса. Время еще было, он достал пачку сигарет и с удовольствием закурил. Небо, с утра затянутое облаками, прояснилось, демонстрируя миру яркую и глубокую синеву. Приятно грело солнце, дул легкий освежающий ветерок. Андрей прикрыл глаза и подставил лицо ласковым лучам, а когда открыл глаза, увидел, как от Балтийского вокзала поворачивает на ведущую прямо ко дворцу дорогу восемнадцатый автобус. Вот автобус притормозил, открылись двери, и на асфальт прыгнул мужчина с дорожной сумкой, а следом вышла рыжеволосая девушка с небольшой сумкой через плечо. Мужчина торопливо зашагал через дорогу, а девушка огляделась и, сделав шаг по направлению к Андрею, вдруг остановилась и воскликнула: «Ба, знакомые все лица!» Андрей несколько мгновений вглядывался в ее лицо, потом широко развел руками: «Агриппина! Сколько лет, сколько зим! Так ты и есть этот самый журналист из Питера, которого мне велено всячески ублажать?» Она тряхнула гривой рыжих волос, отчего они золотом вспыхнули на солнце, и весело рассмеялась: «Получается, я!» Они с удовольствием смотрели друг на друга. Встреча была неожиданной и... приятной.

– Ну, вперед, – сказала Агриппина, показывая мне свое дворцовое хозяйство!

Они зашагали к главному входу, искоса, стараясь, чтобы было не слишком заметно, посматривая друг на друга. Знакомство их, собственно, было шапочным. Ну, пересекались несколько раз в компаниях. Андрей знал, что Агриппина работает в солидной газете, она тоже слышала краем уха, что он искусствовед, – этим все и ограничивалось. И вдруг случайная встреча. В некотором роде, романтично. Уже подходя к крыльцу, Андрей внезапно расхохотался во весь голос. Понял, понял, в чем дело, с трудом выговорил он. Никак не мог уразуметь, чего он мнетя и все про журналиста мне твердит из Петербурга. Агриппина остановилась и почти сердито уставилась на него.

– Кто твердит? Что ты понял? И вообще, что происходит, и почему ты ржешь, как ненормальный?

– Да это Борис Львович все замутил, – с трудом выговорил Андрей. – Тут такое дело, видишь ли... Не знаю даже, стоит ли говорить...

– Ну уж нет, – Агриппина, кажется, уже по-настоящему злилась. – Или давай колись, или я сию же секунду разворачиваюсь и уезжаю обратно. И этому твоему Львовичу наябедничаю, что ты меня смертельно обидел.

– Львовичу не надо. Пожалуйста... И не смотри ты на меня, как на врага народа, – дело как раз во Львовиче, вернее, в его семейной жизни.

– Так-так, продолжайте, сударь, продолжайте...

– Только между нами!

– Могила. – И она уставилась на него своими зеленоватыми, точнее, цвета морской волны, глазами.

На мгновение Андрей позабыл обо всем на свете – так хороша была Агриппина, стройная, в кремовом облегающем жакетике, обтягивающих бедра брючках до колен и в шелковой легкой блузке в цвет своих необычайно красивых глаз.

– В чем дело – язык проглотил? Я жду! – напомнила она.

– Да... это... – он тряхнул головой, словно сбрасывая наваждение, и заговорил, немного придя в себя. – Дело в том, что у Бориса Львовича есть жена.

– Вот уж, право, чудо из чудес! – фыркнула возмущенно Агриппина.

– Именно, чудо из чудес... – со значением повторил ее слова Андрей. – Ибо дама эта, также как и он, работающая в музее, чрезвычайно, пожалуй, даже патологически ревнива. Знаешь, как он мне сегодня говорил о приезде журналиста? Исключительно в мужском роде, так что я высматривал мужчину, и уж никак не ожидал встретить даму, тем более тебя. Жена его зовут Эльвира Рафаэлевна, она наполовину татарка, наполовину, кажется, армянка. Тут и темперамент, и характер – все в одном флаконе. Супруг ее боится как огня. Однажды на моих глазах такая сцена разыгралась, что я потом эту даму еще долго стороной обходил. Одна из наших смотрительниц-пенсионерок ушла в отпуск и на ее место на месяц взяли студентку, ну, подработать девушка хотела. Так Эльвира приревновала ее к мужу, потому что он с ней разговаривал и якобы на нее глаз положил. Она устроила настоящую истерику и набросилась на бедную девицу, которая ничего ни сном ни духом не ведала. Вцепилась ей в волосы и даже выдрала клоч. Девицу отбили. Та перепугалась до смерти и на следующий день уволилась.

– Хмм... Вот это да! Я и не подозревала, что в мирных стенах музея могут кипеть такие страсти, – изумилась Агриппина. – Хорошо, что ты меня предупредил. Постараюсь даже не смотреть в сторону этого вашего Бориса Львовича.

– Можешь не переживать, он сам постарается тебе на глаза не показываться, – ухмыльнулся Андрей. – Ну вот, теперь ты в курсе, какие у нас страсти мадридского двора, – пошли осматривать экспозицию.

Они бродили по восстановленным залам дворца около двух часов. Андрей с увлечением рассказывал об интерьерах этого огромного здания, напоминавшего своей архитектурой средневековые замки. Несмотря на «габариты», внутри оно было весьма уютным и удобным для проживания большой семьи, свиты и многочисленной obsługi. Девушке особенно понравилась спальня императрицы Марии Федоровны, жены Павла Петровича. Кровать под балдахином, многочисленные безделушки, которые так нравятся всем женщинам...

Агриппина сразу включила диктофон, и слова Андрея не пропадали втуне – его голос улавливали чуткие микрофоны, фиксировала магнитная плёнка, превращавшая его пространственный рассказ в заготовку для будущей статьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.